

(сѣверяне) взяли весь станъ непріятельскій. Съ заранія въ пяткъ потоп-
таша поганыхъ плки Половецкыя, и, рассушисѣ стрѣлами по полю, помчаша
красныя дѣвыи половецкыя, а съ ними злато и паволоки и драгыя окса-
миты. Орьтмами и икончицами и кожухы начаша мосты мостити, по бо-
лотомъ и гризивымъ мѣстомъ и всякими узорочыи Половецкими¹⁾.

Сѣверяне Курской губерніи вообще отличались воинственнымъ духомъ
и жили набѣгами, какъ это видно изъ того же „Слова о полку Игоревѣ.“
„А мои ти Буряни свѣдоми кѣмети, подѣ трубами повити, подѣ шеломы
възлелѣены, конецъ копія вскормлени; пути имѣ вѣдоми, яруги имѣ знаемы,
дуци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изѣострени; сами скачутъ,
акы сѣрыи влцы, въ полѣ, ищущи себе чти, а князю славы“²⁾.

Выше приведенные факты, говорящіе о такой или иной степени куль-
турности сѣверянъ Курскаго края не должны идти въ разрѣзъ съ свидѣ-
тельствомъ Несторовой лѣтописи, трактующей о сѣверянахъ, какъ о народѣ
дикомъ и невѣжественномъ, не можетъ идти въ разрѣзъ потому, что лѣто-
писецъ Несторъ, какъ лицо глубоко религіозное, рассматривалъ сѣверянъ
не съ точки зрѣнія общественно-культурной, а съ точки зрѣнія глубокаго
христіанства и искуства. Для Нестора сѣверяне были *народомъ поганымъ*
потому, что они „не въдуше закона Божіа, но творяще сами себѣ законъ“,
т. е. творили „срамное словѣ предѣ отцы и предѣ своиха“, хумыкали себѣ
женѣ, бѣли все нечистое, сожигали трупы мертвецовъ и т. и.

Для болѣе подробной характеристики сѣверянъ — древнѣйшихъ обита-
телей Суджанскаго уѣзда, сообщимъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія, поль-
зуясь данными вообще, относящимися къ исторіи сѣверянъ.

Первоначально сѣверяне находились въ подчиненной зависимости отъ
другихъ народовъ, такъ называемыхъ хозаровъ, жившихъ на сѣверномъ по-
бережьѣ Азовскаго моря, въ бассейнѣ рѣки Дона и его притока Донца и
платили имъ довольно большую и весьма стѣснительную дань. Но съ воца-
реніемъ въ Кіевѣ великаго князя Олега, сѣверяне вошли въ число поддан-
ныхъ Кіевского князя. Это событіе произошло въ 884 году. „Иде Олегъ
на Сѣверяны и на Козары и побѣди Сѣверяны и возложи на нихъ дань
легку и не дасть имъ Козарамъ даны платити“, говорится въ лѣтописи объ
этомъ событіи³⁾.

Въ переводѣ Н. Гербеля это значитъ: „Въ пятницу наша дружина полки половецкіе
смазла и словно стрѣлы, расѣла въ чистому полю, помчаша красныя дѣвыи половецкыя съ
собой, а съ ними и цѣланый бархатъ, и золото въ слякахъ и паволоки тѣныи. Плещами жъ,
шубами, юртами — гати гатиши, мосты наставляи въ тонкихъ мѣстахъ и по гризивымъ болотамъ“.

„Куряне жъ мои — удамъ куряне —
Излѣблени въ шлемѣхъ родныхъ,
Повиты подѣ труби ми звуками браши.
И вскормлени съ ковий стальныхъ,
Дороги знакомы, дуци съ тѣлцами,
Извѣстны имъ каждыи овраги.“

Блжцаны тремати боевыми стрѣлами,
Булгани сабли въ рукахъ;
И зинють лишь раскаты по чистому полю,
Какъ возки по дебрямъ бродятъ,
Чтобъ только добыти себѣ чести на дню,
Чтобъ слазю почету добыть“.

(„Игорь князь сѣверскій — Слово о полку Игоревѣ“ Н. Гербель 1851 г.).

¹⁾ „Слово о полку Игоревѣ“ Ф. Абрамзонъ изд. 1876 стр. 23.